СУББОТА, 8 (20) апрѣля 1878 г.

№ 758 — ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА — № 758

НОВОЕ ВРЕМЯ

Подписная цѣна въ Россіи:

	На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
[illegible]	14	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —	8	6 80	5 50	4 —	2 80	1 [illegible]
[illegible] по гор. почтѣ	16	15 —	13 50	12 —	11 —	10 —	9	7 80	5 80	4 50	3 20	1 [illegible]
[illegible] иногородн.	17	15 50	14 50	13 50	12 80	11 30	10	8 50	7 —	5 50	4 —	2 [illegible]

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ:

для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 5 р. въ концѣ марта и 1-го іюля 5 р.—для городскихъ, 3 р. для иногороднихъ подписчиковъ.

Подписная цѣна за границею:

	На годъ.	9 м.	6 м.	3 м.	3 м.	1 м.
Въ Европу, Сѣверн. Америку и Егип.	26 р.	21 р.	14 р.	9 р.	6 р.	3 р.
Въ Китай, Индію и Японію	47 »	38 »	25 »	15 »	11 »	6 »

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, [illegible] каждаго мѣсяца и срокомъ не далѣе, какъ до конца года

нимъ для рѣшенія Восточнаго вопроса. Эти

Московскій фельетонъ.

Послѣдняя картина Н. В. Неврева. — Нѣчто о четвертомъ измѣреніи спиритовъ и о лекціи г. Цингера. — Г. Стороженко о Байронѣ. — Дарвинъ, его значеніе, характеръ и отношенія къ русскимъ.—Конференція г. Богданова. — Гдѣ искать русскій типъ?—Русская легкость нравовъ.—Гувернеры, пѣвцы и баши-бузыки.—Романическое исчезновеніе русскаго типа.

5-го апрѣля.

Нѣсколько разъ уже собирался я поговорить о новомъ произведеніи одного изъ московскихъ художниковъ, объ историческомъ жанрѣ «Угощеніе посла» Н. В. Неврева,—но до сихъ поръ не могъ этого сдѣлать по недостатку мѣста. Къ тому же были основанія думать, что картина г. Неврева по обычному порядку явится въ залахъ нашей постоянной выставки, но мы этого не дождались и «Угощеніе посла», погостивши нѣсколько дней въ одной изъ московскихъ фотографій, отправилось въ уготованное ему мѣсто въ домѣ М. Мазурина.

Когда г. Невревъ берется за историческій жанръ, можно заранѣе быть увѣреннымъ, что, независимо отъ всѣхъ достоинствъ кисти, картина будетъ отличаться и строгою вѣрностью исторіи. Такъ оно случилось и на этотъ разъ.

Если не ошибаюсь, неподалеку отъ московской биржи, между Ильинкой и Варваркой, до сихъ поръ существуетъ «Посольское подворье». Теперь это названіе—звукъ пустой, но въ былыя времена, тутъ, на посольскомъ дворѣ, кипѣла своеобразная и шумная жизнь. Въ деревянныхъ, узорчатыхъ хоромахъ тутъ помѣщались послы иностранные съ секретарями, толмачами, приставами; тутъ же ютились и [illegible] живописцы, и разные русскіе служилые люди. На обширномъ дворѣ, часами досуга, гости иностранные и хозяева ихъ играли въ кольцо и кегли. Рисунки этихъ игръ сохранились въ описаніяхъ путешественниковъ.

Въ одинъ изъ уголковъ посольскаго двора и вводитъ насъ г. Невревъ.

Осенній навечеръ. Въ тѣни хоромъ и садовыхъ кустарниковъ пріютился столъ, застланный камчатною скатертью и сплошь уставленный сіяющими жбанами и братинами; тутъ же и неприхотливая боярская закуска—красныя яблоки. Направо отъ стола, развалившись тяжело въ деревянномъ русскомъ креслѣ, полулежитъ посолъ, цесарскій по обличью. Ногъ онъ подъ собою ужъ конечно не чувствуетъ: онѣ недвижимы въ своихъ желтыхъ сапожкахъ. Лѣвая рука плетью повисла къ землѣ, а правая все еще держится машинально за «послѣднюю» чарку. Должно быть это—послѣдняя! Лице иностраннаго гостя слишкомъ ясно доказываетъ, что онъ не выдержалъ коварно-радушнаго русскаго угощенія; голова ушла въ плечи; посоловѣлые недвижные глаза смотрятъ въ пространство; еще немного и—свалится посолъ, и заснитъ все то, что успѣлъ разболтать боярину спутанный виномъ языкъ. А бояринъ сидитъ справа, развязно облокотившись на столъ. Его довольная, насмѣшливая рожа видимо потѣшается надъ посломъ. На щекахъ—розовыя пятна, но ума бояринъ не пропилъ и вовремя опрокинулъ свою чарку, по русскому обычаю. Вся его фигура, дышащая жизнью, говоритъ послу: «эхъ ты! а еще нѣмецъ! вотъ какъ проспишься, да опомнишься, такъ и будешь понимать наше угощенье!...». На второмъ планѣ сытый, откормленный прислужникъ тащитъ еще какое-то питіе и смышленно, лукаво, поглядываетъ на опьянѣвшаго гостя. Въ глубинѣ видна Варварка; хоромы по той сторонѣ улицы чуть-чуть затянуты не успѣвшею осѣсть дневною пылью. Все это написано такъ правдиво, такъ свободно и широко, вся картина дышетъ такою жизнью, что нельзя не пожалѣть, отчего не заняла она на время достойнаго для нея мѣста на выставкѣ художествъ. Но судьба и г. Мазуринъ хотѣли именно такъ.

Очень замѣтнымъ и очень утѣшительнымъ явленіемъ нашего великопостнаго сезона явились университетскія публичныя лекціи, съ которыми уже отчасти знакомы читатели «Новаго Времени». Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ благородной и полезной идеѣ, осуществленной нашими профессорами, я тѣмъ не менѣе вовсе не считаю себя обязаннымъ огульно хвалить самое исполненіе и не буду злоупотреблять словами «въ высшей степени интересно», «увлекательно», «ново» и такъ далѣе. Далеко не всѣ лекціи были вполнѣ удовлетворительны и дали то, чего можно было отъ нихъ ждать, но вѣдь «на нѣтъ и суда нѣтъ».

Немалаго шума надѣлала въ Москвѣ статейка г. Бутлерова «о четвертомъ измѣреніи». Почтенный авторъ задался неблагодарною цѣлью одѣть фокусника въ мантію ученаго, философа, и самъ думалъ прикрыться кусочкомъ этой мантіи. Пока г. Бутлеровъ цитировалъ Шопенгауэра и Канта, пока московскія дамы-спиритки пытались проникнуть въ таинства «абсолютнаго пространства» и завязыванья узловъ на безконечной нити, извѣстный нашъ изобрѣтатель г. Ливчакъ, вовсе не будучи «четырехмѣрнымъ» существомъ, ухитрился однако безъ помощи Слэда завязать нѣсколько узловъ на такой же безконечной нити, которою довѣрчивый метафизикъ Цельнеръ смутилъ не менѣе довѣрчиваго метафизика Бутлерова. Лица, видѣвшія «документъ» г. Ливчака, т. е. узлы на припечатанной нити за подписями свидѣтелей, говорили мнѣ, что г. Ливчакъ вовсе не претендуетъ на четырехмѣрность и зоветъ свои узлы фокусомъ, да еще «фокусомъ, очень простымъ». Если такъ, то давно пора бы г. Ливчаку раскрыть свой секретъ: не Богъ же знаетъ чего онъ стоитъ! А волненія было бы меньше и г. Цингеръ, нашъ московскій математикъ, сказалъ бы о г. Бутлеровѣ больше, чѣмъ это онъ сдѣлалъ въ своей лекціи «о пространствѣ въ современной математикѣ»...

Странная была лекція! Г. Цингеръ устроилъ какую-то смѣсь самыхъ элементарныхъ положеній математики съ разсужденіями, доступными только спеціалистамъ. О четвертомъ измѣреніи лекторъ высказался очень коротко и ясно: «не понимаю, говоритъ, и не допускаю!» Г. Цингеръ затѣмъ горячо возсталъ противъ введенія въ математику такихъ представленій, которыя не только превосходятъ всякую фантазію, но и завѣдомо ложны. Вотъ это-то и слѣдовало бы доказать пообстоятельнѣе, а г. Цингеръ прямо говоритъ: «не понимаю!...» Это съумѣли бы сказать и мы, впервые познакомившіеся сколько-нибудь близко съ Шопенгауэромъ и Кантомъ на лекціяхъ покойнаго Юркевича.

Отъ г. Цингера перехожу къ г. Стороженкѣ. Онъ взялъ себѣ темой «Байрона, какъ защитника угнетенныхъ народностей на Востокѣ». Тема съ намекомъ на интересы минуты, тема богатая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно уже эксплоатированная. Біографія Байрона хорошо теперь извѣстна, такъ что сообщенные лекторомъ отрывки заключали въ себѣ очень мало новаго. Не новъ и тотъ взглядъ, что Байрона подвинули на участіе въ дѣлахъ грековъ не мелочныя побужденія, не желаніе оживить потухающій свѣтъ его популярности, а излелѣянная имъ съ дѣтскихъ лѣтъ любовь къ свободѣ. Но, разъ избравши такой взглядъ, слѣдовало бы, мнѣ кажется, ослабить значеніе извѣстной фразы Байрона, — сказанной имъ по поводу разныхъ сплетенъ: «если это правда, я не гожусь для Англіи; если клевета, то Англія для меня не годится»...

Не новъ и разсказъ о поступленіи Байрона въ карбонаріи, не новъ и разсказъ о его «Либералѣ», не забыты и цитаты:

Возстань!—не Греція! она уже возстала!
Но ты, душа моя, возстань!

Г. Стороженко можетъ замѣтить, что вѣдь не выдумывать же ему для меня что-нибудь новое о Байронѣ! Избави Богъ! Я только хочу сказать, что матеріалы, которыми пользовался лекторъ, уже достаточно общеизвѣстны, и въ

© Reproduced with the permission of Cambridge University Library

группировкѣ ихъ тоже не замѣтно особой самостоятельности.

Я позволю себѣ подробнѣе остановиться на лекціи г. Тимирязева о Дарвинѣ.

Дарвинъ былъ богомъ старѣющаго нынѣ поколѣнія; не могу съ точностью сказать, какъ относится къ этому богу поколѣніе подростающее, но по нѣкоторымъ наблюденіямъ я могъ замѣтить, что оно просто мало знаетъ его.

И такъ, читатель, мы — передъ краснымъ столомъ; по бокамъ стола—два голубя; одинъ—бѣлый, съ распущеннымъ хвостомъ, напоминаетъ собою шаръ; другой — двуцвѣтный, длинный, какъ лодочка. Кругомъ — цвѣты, дамы и мужчины,—слушателей много. Г. Тимирязевъ начинаетъ рѣчь «о Дарвинѣ, какъ ученомъ».

Двадцать лѣтъ тому назадъ въ линнеевскомъ обществѣ, въ Лондонѣ, была прочитана записка «О происхожденіи видовъ», написанная уже не молодымъ, но неизвѣстнымъ Дарвиномъ. Теперь имя Дарвина записано въ ряду первоклассныхъ дѣятелей науки. Бываетъ, что нѣкоторыя гипотезы удерживаютъ за собой имена своихъ творцовъ, но чтобы цѣлое ученіе, цѣлое направленіе, для защиты или борьбы съ которымъ создались особыя періодическія изданія, безспорно принадлежало одной личности, это — случай необыкновенный. Таково именно ученіе Дарвина, вызвавшее и страшную злобу враговъ, и медвѣжьи услуги друзей. Среди этой ожесточенной борьбы остается величаво спокойнымъ только одинъ виновникъ ея, самъ Дарвинъ.

Родился онъ 25-го февраля 1809 года; въ 1839 году развилъ уже вполнѣ свои идеи, но приступилъ къ печатанію своего сочиненія лишь двадцать лѣтъ спустя. Двадцать долгихъ лѣтъ провѣрялъ онъ свою идею и убѣдился наконецъ, что она—истина.

Кто наблюдалъ организмы, тотъ не могъ не поражаться ихъ гармоніей, совершенствомъ, цѣлесообразностью. Но на вопросъ о причинахъ, что можно было отвѣчать? «Такими созданы!» Этотъ отвѣтъ настолько же удовлетворителенъ, какъ и насмѣшка Гейне въ «Путешествіи на Гарцъ»: «быкъ созданъ для того, чтобы варить изъ него бульонъ; оселъ, чтобы сравнивать съ нимъ людей, а люди, чтобы ѣсть бульонъ и походить на ословъ». Ни то, ни другое не рѣшало вопроса; ключъ къ нему нашелся на двухъ страничкахъ сочиненія Дарвина.

Будемъ кратки. Органическія формы образовались постепенно, совершенствуясь; несомнѣнно и давно уже признано сходство или сродство ихъ; откиньте букву «с»,—и вы получите «родство». Когда раздалось это еретическое слово, Кювье, Агассисъ и другіе возстали за неизмѣняемость вида. Дарвинъ отвѣчалъ на это идеей «безсознательнаго отбора въ природѣ», закономъ наслѣдственности и измѣнчивости, закономъ борьбы за существованіе. Не будь этой борьбы, десятое поколѣніе одуванчика заполонило бы всю землю. Кому жить, кому умереть, — это рѣшаютъ слѣпыя силы природы, рѣшаютъ безапелляціонно, свято, потому что онѣ слѣпы, а недаромъ же правосудіе изображается съ повязкой на глазахъ. Переживаетъ тотъ, кто крѣпче, совершеннѣе, полезнѣе.

Что говоритъ въ пользу теоріи Дарвина?—все. Что противъ?—ничего. Чего можно ожидать отъ нея?—многаго. Частныя возраженія всѣ уже были опровергнуты. Тогда стали говорить: «вѣдь это—только гипотеза». Да, но гипотеза, обобщающая факты, согласующая ихъ и не нуждающаяся ни въ какихъ посылкахъ. Она завоевала себѣ мѣсто въ наукѣ; противъ нея раздаются теперь лишь вопли одинокихъ чудаковъ, на которые наука уже не обращаетъ вниманія и—переходитъ къ своимъ очереднымъ занятіямъ...

Какъ Сократа, Галилея и Ньютона, и Дарвина обвиняли въ безнравственности! Говорятъ, что онъ проповѣдуетъ преклоненіе предъ грубой силой, ставитъ кулакъ выше мысли, апоѳеозируетъ войну. «Мнѣ съ дѣтства внушали, говоритъ одинъ ученый обвинитель, что надо любить, а не душить. Чувство повелѣваетъ мнѣ: люби! наука—души!»...

Такому обвинителю придется сдѣлать не совсѣмъ вѣжливый вопросъ: «да вы читали эту книгу?»... И отвѣтомъ будетъ: «нѣтъ». Если-бы онъ читалъ ее, то въ третьей главѣ нашелъ бы «о любви къ ближнему», а въ пятой о происхожденіи этого чувства; онъ увидалъ бы, что Дарвинъ не проповѣдуетъ людоѣдства, но, ставя исходною точкою нравственности соціальный инстинктъ человѣка, доказываетъ, что при борьбѣ племенъ нравственность является могучимъ орудіемъ. Племя съ развитымъ чувствомъ материнской любви останется всегда побѣдителемъ надъ племенемъ неимѣющимъ этого чувства. Нравственность полезна, а потому, въ силу естественнаго подбора, она сгибнуть не можетъ. И кто же нравственнѣе: Дарвинъ ли, отожествляющій нравственность съ высшимъ разумомъ, или тотъ ученый, который ставитъ ее въ противоположность разуму и наукѣ?!

Дарвинъ, какъ ученый, неоспоримо обладаетъ тѣмъ неуловимымъ для опредѣленія свойствомъ, которое зовется геніальностью. Онъ способенъ и къ синтетической работѣ, и къ анализу. Онъ—не мечтатель и не фантазеръ. Онъ—спеціалистъ по зоологіи, біологіи, ботаникѣ, но цѣль всякаго изученія у него одна. Сперва онъ—творецъ идеальной мысли, опирающейся на массу реальныхъ фактовъ. Потомъ онъ развиваетъ свою идею логически, и приходитъ къ одному, неизбѣжному заключенію.

Всѣ портреты Дарвина, особенно—гдѣ онъ безъ бороды, не даютъ точнаго о немъ понятія. Они представляютъ ужь слишкомъ обыденную, буржуазную личность. Правда, во внѣшности Дарвина нѣтъ ничего претенціозно ученаго, но тѣмъ ярче рисуется передъ собесѣдникомъ его нравственная личность. Тихимъ, ласковымъ старческимъ голосомъ ведетъ онъ разговоръ, въ которомъ изрѣдка просвѣчиваетъ мѣткая, но безобидная иронія. Г. Тимирязевъ разсказалъ намъ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Дарвиномъ въ прошломъ іюлѣ. Англійскій ученый открыто выражалъ свои симпатіи къ русскому народу и пророчилъ ему славную будущность...

— Въ этомъ домѣ, повторилъ онъ г. Тимирязеву на прощанье, — мнѣнія и симпаніи на вашей сторонѣ и на сторонѣ вашего дѣла!...

Ни одна лекція на вызывала такихъ дружныхъ и громкихъ, продолжительныхъ рукоплесканій, какъ прекрасная, проникнутая оживленіемъ и убѣдительностью лекція г. Тимирязева.

Но кто явился передъ нами настоящимъ французскимъ conférencier, такъ это—почтенный А. П. Богдановъ. Читалъ онъ безъ тетрадки, даже просто говорилъ, а не читалъ, прохаживаясь на маленькомъ пространствѣ эстрады. Это оригинально и прекрасно, и однако я все-таки не возьмусь отвѣтить на вопросъ: что именно хотѣлъ доказать г. Богдановъ?

Темою для своей конференціи онъ взялъ антропологическую физіогномику. Вѣдь мы часто говоримъ о физіогномикѣ разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и русскаго. Мы толкуемъ о «русскомъ типѣ», о «русской красотѣ». Но что же это за занятіе? лежитъ ли объясненіе этого вопроса въ бытовыхъ особенностяхъ народа, или оно связано съ его кровнымъ происхожденіемъ? Также ли отчетливо рисуется въ нашемъ воображеніи типъ русскаго человѣка, какъ и типъ другой національности, и притомъ типъ истинный? Или же русская нація, въ силу какихъ-нибудь причинъ, не выработала этого типа?

Такими вопросами задался г. Богдановъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ими до сихъ поръ задаются многіе, многіе изъ его слушателей, хотя лекторъ и началъ свои объясненія издалека:

— По обыкновенію всѣхъ спеціалистовъ начинать съ Адама, а если можно, то и ранѣе, и я начну съ древности! усмѣхнулся г. Богдановъ своею симпатичною усмѣшкой.

Дѣлать нечего: пойдемъ и окунемся въ древность!

Физіогномика, какъ свойство выражать мимически различныя ощущенія, штука весьма старая. Уже у дикарей были физіогномисты и активные, и пассивные. Активные «дѣлаютъ себѣ лицо», т. е. располагаютъ черты лица своего такъ, чтобъ выразить или вызвать извѣстныя ощущенія. Такъ поступали, бывало, жрецы и воины. Воины даже уродовали себя, чтобы нагнать побольше страху врагамъ. Лицемѣрство и кокетство—опять таки формы того же стремленія придать себѣ лицо, какого не дала природа. Пассивные физіогномисты, это—наблюдатели; они стараются изучать лица окружающихъ для болѣе сознательнаго отношенія къ нимъ. Въ этой группѣ господствуютъ мужчины, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда есть подчиненность. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же не изучать лица начальства! Но есть еще любознательная группа, которая особенно утилитарными цѣлями не задается; это—женщины и дѣти—наблюдатели. Ихъ впечатлѣнія живѣе, вѣрнѣе, потому что не связаны рамками системы. Художники также должны быть физіогномистами; такъ и было, особенно въ Греціи, гдѣ художество ставило себѣ цѣлью идеализацію человѣческой природы. Физіогномисты съ помощью наблюденій сдѣлали кое-какіе выводы. Напримѣръ: покатый, узкій лобъ доказываетъ упрямство, тонкія, сжатыя губы—лицемѣріе и т. д. Но, составивши кодексъ изъ этихъ правилъ, физіогномисты на томъ и остановились. Существовалъ еще пріемъ на-

© Reproduced with the permission of Cambridge University Library

...ность мышц животных,—пріемъ переходный, следы которого до сихъ поръ остались у насъ въ языке. Говорятъ: орлиный взоръ, кошачья ухватки... Этими пріемами отыскивались только признаки крупныхъ свойствъ; мелкія психическія явленія физіогномія Лафатера уже представляетъ иною систему, но это еще не наука, это—наблюденія развитаго человѣка, отыскивающаго причинную связь явленій. Дальнѣйшій шагъ къ наукѣ дѣлаетъ физіогномика физіогномія. Она ставитъ вопросъ: изъ какихъ частей состоитъ человѣческое лицо, какія именно части служатъ для извѣстныхъ отправленій. Движеніе этого періода нерѣдко является французскій медикъ Дюшенъ. Онъ гальванизировалъ трупы и, действуя на извѣстные мускулы, придавалъ физіогномію мертвеца выраженія ужаса, радости и проч., и сохранялъ эти выраженія фотографіей. Дарвинъ критически разработалъ данныя по физіогномикѣ и поставилъ отъ себя вопросъ, еще до сихъ поръ, какъ слѣдуетъ, вопросъ о племенной физіогномикѣ. Общая физіогномика безъ сомнѣнія существуетъ: скрежетъ зубовъ, напримѣръ вовсе не предназначенъ служить выраженіемъ яѣкности, но, кромѣ общихъ, есть частные признаки, систематика которыхъ ещё затруднительнѣе, когда дѣло идетъ о племени. Тутъ все нетвердо и неустойчиво. Существуетъ, правда, методъ измѣреній и среднихъ чиселъ, имѣющій много достоинствъ. Различная форма носовъ, скулъ,—все это можетъ быть выражено въ математическихъ формулахъ, которыя примѣнялся и къ твердымъ частямъ. Этимъ способомъ можно заставить говорить и нѣмыя мощи, но когда дѣло идетъ о массѣ единицъ, то какъ тутъ избѣгнуть среднее, обрисовать типъ?

Здѣсь является на помощь методъ изученія типическихъ представителей, т. е. такихъ, въ которыхъ наиболѣе ярко выясняются характерныя признаки. Такъ поступаютъ зоологи: опредѣляя по роду животныхъ, они обращаютъ вниманіе не на сумму данныхъ, а на ихъ сравнительное значеніе. Когда идетъ вопросъ о племени, то въ немъ надо искать типичныхъ представителей признаковъ. Тутъ важны не только лицо, но и ростъ, и волосы, и ну... — даже способность къ извѣстнымъ движеніямъ. У французовъ нерѣдко большой ростъ соединяется съ бѣлокурыми волосами, малый—съ черными; это различіе и замѣчаетъ намъ о сраныхъ и галлахъ. Въ германскихъ племенахъ подробно изслѣдованъ цвѣтъ волосъ и оказалось, что въ одномъ Виртембергѣ пришлось разбить населеніе на множество группъ,—замѣчать было некогда и нѣкому. Но гдѣ же искать типичныхъ представителей нашихъ? снова спрашиваетъ г. Богдановъ.

И отвѣчаетъ: не можетъ быть типомъ орлица—первый попавшійся нашъ нѣмецъ—живой опровергнетъ!... Типомъ должна служить выдающаяся изъ народа личность съ характерными признаками. Кювье, Гумбольдтъ, Дарвинъ,— вотъ типы французовъ, нѣмцевъ, англичанина.

Въ вопросѣ о національныхъ типахъ мы, русскіе, упускаемъ изъ виду, какъ мелочи, то, что серьезно заботитъ другія націи. Выведенной за границей антропологической галереѣ типъ русскаго былъ представленъ далеко неудовлетворительно,—можно быть, въ родѣ какихъ съ сальной свѣчей!

— Я подалъ свой альбомъ, говоритъ г. Богдановъ, и сказалъ, что въ Германіи, англійскомъ, французскомъ, германскомъ обществѣ антропологіи, гдѣ пріѣзжій сообщаетъ свои отличія, я намѣренъ былъ отвѣтъ, что типы моего альбома напутся подобранными, что онѣ...

...ственныхъ, что вашей десять, пятнадцать, но что все-таки особенностей нѣтъ и нѣтъ общаго типа... И выходитъ, по мнѣнію спрашивающихъ, что нѣтъ русской физіогномики—одинъ субъектъ и (Взятка Виноградова, и тому подобное).

А если такъ, если русскія націи—пьяное, то можно ли говорить о типѣ русскомъ типѣ? снова спрашиваетъ г. Богдановъ.

Для отвѣта онъ пробуетъ обратиться къ исторіи.

Населеніе Руси было разнѣсенное,—славяне пришельцы, торговые люди или воины, но во многихъ случаяхъ они были сильнѣйшіе; естественно они были побѣдителями не только по территоріи, но и монголы сорокъ... Выражаетъ отношеніе стоило все въ литературѣ? (спрашиваетъ г. Богдановъ у насъ, а не мы у него). Какъ напримѣръ произошло обрусѣніе нѣмцевъ? Нѣмецкій типъ измѣнился по нравамъ, напримѣръ русскіе не брали за легкость нравовъ, но эта самая легкость нравовъ и способствовала обрусѣнію, которое произошло, такъ сказать, «романическимъ путемъ!..» Вообще если племя обладаетъ стойкостью нравовъ, то національный типъ сохраняется, какъ у мусульманъ, въ чистотѣ, а «романическій элементъ» даетъ обратные результаты. Какую роль надобно признать за этимъ элементомъ у русскихъ, достаточно, по словамъ г. Богданова, вспомнить историческое значеніе у насъ гувернеровъ, нынѣ увлеченіе итальянцами, наконецъ недавнее «женіе турокъ...

Объ окончаніи разсужденія по національный типъ мы знакомимся изъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ хвалятъ постоянно поется про златокудрую дѣву, у малороссовъ—про черныя очи, у русскихъ фигурируетъ—умница, рукодѣлица, бѣлое лицо, дѣвица-тошка, полная, бѣлая, тоненькая, или невеличка; но брови непремѣнно черныя. У мужчинъ—или черныя, или русыя кудри; при этомъ черныя сами вьются, а русыя дѣвица завиваетъ. Но если у молодца русыя кудри, то пѣсня даетъ ему черныя брови. Съ типомъ русскихъ знакомятъ насъ и историческія путешествія, и гравюры, какъ напр. олеаріева картина русскаго посольства къ императору въ 1615 году. Олеарій даетъ такую краткую характеристику русскихъ: волосы длинны, да пузо толстое!.. Намекъ на монгольскій типъ никакого...

— И такъ, заключилъ г. Богдановъ, если мы и обладаемъ матеріаломъ для воспроизведенія русскаго типа—мужчина, то относительно женскаго вполнѣ бѣдны и не можемъ сказать ничего!..

Торопко проговорилъ это лекторъ да такъ и утекъ...

Вотъ тебѣ разъ! Гдѣ же хоть мужской типъ? Русыя кудри да толстое пузо, что ли? И это мы? Потомки гувернеровъ, говорящіе башки-бузукамъ теперь сродни?.. Несчастныя наши бабушки и прабабушки! Оболгалъ васъ г. Богдановъ не хуже мордвиновъ, извѣстныхъ легкостью нравовъ?

Вотъ вамъ и типы! Хорошо еще, что до женскаго не добрались! И безъ того лекція г. Богданова произвела на слушателей впечатлѣніе пикантныхъ варіацій на тему «романическая физіогномика...»

К.

© Reproduced with the permission of Cambridge University Library